

СОДЕРЖАНИЕ

Манифест Рассела — Эйнштейна 8

Бертран Рассел
ЛЮДИ, ДУМАЙТЕ!

Почему я не христианин	13
Свободомыслие и официальная пропаганда	36
Искусство делать выводы	59
Что такое душа?	85
Стоицизм и душевное здоровье	90
О юношеском цинизме	99
О ценности скептицизма	108
Моральные табу	123
Фанатизм и терпимость	131
Национализм	137
Происхождение фашизма	145
Власть	166
Роль индивида	173
Что такое философия?	180
Может ли человек быть рациональным?	186
«Бесполезное» знание	195
Суеверна ли наука?	208
Что такое счастье?	218
Какие желания важны для политики?	226

Альберт Эйнштейн
КАКИМ Я ВИЖУ МИР

До отъезда	246
Благодарность Америке	247
Заметки об американских впечатлениях	249
Ответ американским женщинам	253
Научный интернационал	254
Прощание	255
Письмо профессору доктору Гельпаху, рейхспрезиденту	257
Замечания по поводу нынешнего положения в Европе	258
Наследники эпох	259
Институт интеллектуального сотрудничества	260
Религия и наука	262
Религиозность науки	266
Бедственное положение науки	267
Потерянный рай	268
Еврейская община	269
«Лига Рабочей Палестины»	272
Возрождение еврейства	273
Антисемитизм и учащаяся молодежь	274
Письмо одному арабу	276
Еврейская община	278
Свобода совести	281
Добро и зло	282
Мир	283
Проблема пацифизма	284
Обращение на студенческом митинге за разоружение	285

К Зигмунду Фрейду	287
Смысл жизни	303
Каким я вижу мир	303
Производство и покупательная способность	307
Производство и рабочая сила	308
Фашизм и наука	311
К вопросу о разоружении	312
Общественное и личное	313
О богатстве	316
О педагогах и педагогике	317
Меньшинства	317
Заметки о политической вере	318
Активный пацифизм	322
Манифест	323
Покидая Германию	324

МАНИФЕСТ РАССЕЛА — ЭЙНШТЕЙНА

Мы считаем, что в том трагическом положении, перед лицом которого оказалось человечество, ученые должны собраться на конференцию для того, оценить ту опасность, которая появилась в результате создания оружия массового уничтожения, и вынести резолюцию в духе прилагаемого проекта.

В данном случае мы выступаем не как представители того или иного народа, континента или вероучения, а как люди, как представители человеческого рода, дальнейшее существование которого находится под сомнением. Мир полон конфликтов; и все второстепенные конфликты отступают перед титанической борьбой между коммунизмом и антикоммунизмом.

Почти каждый человек, который остро чувствует политическую обстановку, питает симпатию или антипатию к той или иной проблеме; но мы хотим, чтобы вы, если это возможно, отбросили эти чувства и рассматривали себя только как представителей одного биологического вида, имеющего замечательную историю развития, и исчезновения которого никто из нас не может желать.

Мы должны попытаться сказать об этом так, чтобы ни один из лагерей не смог обвинить нас в пристрастности. Всем, без исключения, грозит опасность, и, если эта опасность будет осознана, есть надежда предотвратить ее совместными усилиями.

Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов боль-

ше не существует; мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?

Общественность и даже многие государственные деятели не понимают, что будет поставлено на карту в ядерной войне. Общественность все еще рассматривает ее как средство уничтожения городов. Все хорошо знают, что новые бомбы более мощные по сравнению со старыми, и, что в то время как одна атомная бомба смогла уничтожить Хиросиму, одной водородной бомбы хватило бы для того, чтобы стереть с лица Земли крупнейшие города, такие как Лондон, Нью-Йорк и Москва.

Нет сомнения, что в войне с применением водородных бомб большие города будут сметены с лица Земли. Но это еще не самая большая катастрофа, придется столкнуться. Если бы погибли жители Лондона, Нью-Йорка и Москвы, человечество могло бы в течение нескольких столетий оправиться от этого удара. Но теперь мы знаем, особенно после испытаний на Бикини, что ядерные бомбы могут постепенно приносить смерть и разрушение на более обширные территории, чем предполагалось.

Мы авторитетно заявляем, что сейчас может быть изготовлена бомба в 2500 раз более мощная, чем та, которая уничтожила Хиросиму. Такая бомба, если она будет взорвана над землей или под водой, посылает в верхние слои атмосферы радиоактивные частицы. Они постепенно опускаются и достигают поверхности земли в виде смертоносной радиоактивной пыли или дождя. Именно такая пыль привела к заражению японских рыбаков и их улова.

Никто не знает, как далеко могут распространяться такие смертоносные радиоактивные частицы. Но самые большие специалисты единодушно утверждают, что война с применением водородных бомб вполне может уничтожить род человеческий. Можно опасаться, что в случае

использования большого количества водородных бомб, последует всеобщая гибель – внезапная только для меньшинства, а для большинства – медленная и мучительная.

Многие видные ученые и авторитеты в области военной стратегии не раз предупреждали об опасности. Ни один из них не скажет о том, что гибельные результаты неизбежны. Они считают, что катастрофа вполне возможна и что никто не может быть уверен в том, что ее можно избежать. Мы убедились в том, что точка зрения специалистов на эту проблему не зависит в какой-либо степени от их политических взглядов. Она зависит только, как показали наши исследования, от степени знаний специалистов. Мы установили, что люди, которые знают очень много, выражают наиболее пессимистические взгляды.

Поэтому, вот вопрос, который мы ставим перед вами, – вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны мы уничтожить человеческий род, или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну.

Искоренение войны потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости. Однако больше чем чтобы то ни было мешает оценке обстановки, является понятие «человечество», которое кажется туманным и абстрактным. Люди едва ли представляют себе, что опасности подвергаются они сами, их дети и внуки, а не только абстрактно воспринимаемое понятие «человечество». Они не могут заставить себя осознать то, что им самим и их близким грозит неминуемая опасность погибнуть мучительной смертью. И поэтому люди полагают, что войны, вероятно, могут продолжаться при условии, что будет запрещено современное оружие.

Это иллюзорная надежда. Какие бы соглашения по запрещению использования водородных бомб не были бы достигнуты в мирное время, их будут считать необязательными в военное время. И обе стороны немедленно при-

ступят к изготовлению водородных бомб, как только разразится война, потому что, если одна сторона начнет изготавливать водородные бомбы, а другая нет, то та сторона, которая обладает водородными бомбами, неизбежно окажется победительницей.

Хотя любое соглашение о запрещении ядерного оружия как части общего сокращения вооружений не дает окончательного решения, оно тем не менее могло бы послужить для достижения некоторых важных целей. Во-первых, любое соглашение между Востоком и Западом полезно до тех пор, пока оно направлено на уменьшение напряженности. Во-вторых, запрещение термоядерного оружия, если каждая из сторон будет считать, что другая честно намерена выполнять обязательства, привело бы к уменьшению страха перед неожиданным нападением в духе Перл Харбора, который держит в настоящее время обе стороны в состоянии нервного напряжения. Таким образом, мы должны приветствовать такое соглашение только как первый шаг.

Все мы пристрастны в своих чувствах. Однако, как люди, мы должны помнить о том, что разногласия между Востоком и Западом должны решаться только таким образом, чтоб дать возможное удовлетворение всем: коммунистам или антикоммунистам, азиатам, европейцам или американцам, белым и черным. Эти разногласия не должны решаться силой оружия. Мы очень хотим, чтобы это поняли как на Востоке, так и на Западе.

Перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания и мудрости. Изберем ли мы вместо этого смерть только потому, что не можем забыть наших ссор? Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном. Если вы сможете сделать это, то перед вами открыт путь в новый рай; если вы это не сделаете, то – перед вами опасность всеобщей гибели.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Мы призываем этот конгресс, а через него ученых всего мира и мировую общественность подписаться под следующей резолюцией:

«В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие и поскольку это оружие угрожает существованию рода человеческого, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично заявили, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем, чтобы они находили мирные средства разрешения всех спорных вопросов».

Профессор Макс БОРН, профессор теоретической физики в Берлине, Франкфурте и Геттингене, естественной философии в Эдинбурге, лауреат Нобелевской премии по физике Профессор Перси У. БРИДЖМЕН, профессор Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии по физике Альберт ЭЙНШТЕЙН Профессор Леопольд ИНФЕЛЬД, профессор теоретической физики Варшавского университета Профессор Фредерик ЖОЛИО-КЮРИ, профессор физики, лауреат Нобелевской премии по химии Профессор Герман МЕЛЛЕР, профессор зоологии Университета штата Индиана, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине Профессор Лайнус ПОЛЛИНГ, профессор химии Калифорнийского технологического института, лауреат Нобелевской премии по химии Профессор Сессил ПАУЭЛЛ, профессор физики Бристольского университета, лауреат Нобелевской премии по физике Профессор Джозеф РОТБЛАТ, профессор физики Лондонского университета Лорд Бертран РАССЕЛ Профессор Хидеки ЮКАВА, профессор теоретической физики Университета в Киото, лауреат Нобелевской премии по физике

Бертран Рассел

Люди, дУМАЙТЕ!

Почему я не христианин*

Вот здесь, на этой полке, у меня стоит Библия. Но я держу ее рядом с Вольтером — как яд и противоядие.

Б. Рассел

Тема моей сегодняшней лекции вам уже известна из речи председателя — «Почему я не христианин». Пожалуй, с самого начала было бы хорошо сделать попытку разобраться в значении слова «христианин». Дело в том, что в наши дни великое множество людей пользуется этим словом в весьма неопределенном смысле. Некоторые люди имеют в виду под христианином всего лишь человека, старающегося вести добропорядочный образ жизни. В таком смысле, на мой взгляд, христиане нашлись бы во всех сектах и религиях; но мне кажется, что это неправильный смысл слова, хотя бы потому, что из него вытекает, будто люди, которые не являются христианами — все буддисты, конфуцианцы, мусульмане и так далее, — не стараются вести добропорядочный образ жизни. Для меня слово «христианин» вовсе не означает человека, старающегося в меру своих возможностей жить честно. Я полагаю, что, прежде чем получить право называться христианином, вы должны разделять известное количество определенных верований. Правда, ныне слово «христианин» утрати-

---

* Перевод на русский язык выполнен И. З. Романовым.

ло то полнокровное значение, какое оно имело во времена св. Августина и св. Фомы Аквинского*. В те дни, когда человек заявлял, что он христианин, все знали, что именно он хочет этим сказать. Быть христианином значило принимать всю совокупность строжайшим образом определенных религиозных представлений и верить в каждую крупицу этих религиозных представлений со всей силой своего убеждения.

Что такое христианин?

Ныне совсем не то. Нам приходится быть несколько более неопределенными в своем понимании христианства. И все-таки я полагаю, что можно назвать два разных пункта, принятие которых совершенно обязательно для всякого, кто называет себя христианином. Первый пункт — догматического порядка — заключается в том, что вы должны верить в бога и бессмертие. Если вы не верите в эти две вещи, то, по моему мнению, вы не вправе называться христианином. Во-вторых, как явствует из самого слова «христианин», вы должны разделять известного рода веру в Христа. Ведь мусульмане, к примеру, тоже верят в бога и бессмертие, тем не менее христианами они называть себя не станут. Мне думается, что, как минимум, вы должны разделять веру в то, что Христос был если и не божественной личностью, то по крайней мере самым лучшим и мудрейшим из людей. Если вы не склонны разделять эту веру в Христа, то, на мой взгляд, вы не имеете никакого права называться христианином. Существует, конечно, и иной

---

* Фома Аквинский (1225–1274) – средневековый философ и богослов, основатель томизма, доминирующего течения в католической философии. В 1323 был причислен к лику святых, а в 1567 г. объявлен доктором церкви. Официальное одобрение его учение получило в папских энцикликах «Aeterni Patris» (1879) и «Studiorum ducern» (1923). Автор двух фундаментальных трудов – «Сумма теологии» (1266–1273) и «Сумма против язычников» (1259–1264), а также других произведений.

смысл слова «христианин», который вы находите в «Календаре» Уитекера* да в книжках по географии, где утверждается, что население земного шара делится на христиан, мусульман, буддистов, идолопоклонников и так далее; в этом смысле мы все христиане. Книжки по географии рассматривают нас скопом, но это чисто географический смысл слова, который, я полагаю, мы можем просто не принимать во внимание. Поэтому, задавшись целью объяснить вам, почему я не христианин, я считаю себя обязанным объяснить вам две разные вещи: во-первых, почему я не верю в бога и бессмертие и, во-вторых, почему я не считаю Христа самым лучшим и мудрейшим из людей, хотя я и признаю за ним весьма высокую степень нравственной добродетели.

Если я смог принять столь эластичное определение христианства, то этим я обязан исключительно тем плодотворным усилиям, которые были предприняты неверующими в прошлом. Как я уже указывал, в старину понятие христианства имело гораздо более полнокровный смысл. Например, оно включало в себя веру в ад. Вера в вечный адский огонь до самого недавнего времени составляла необходимую часть христианского вероучения. В нашей стране, как вы знаете, вера в ад перестала считаться необходимой частью христианского вероучения в силу постановления Тайного совета**. Правда, архиепископ Кентерберийский и архиепископ Йоркский не признали этого постановления, но в нашей стране официальная религия устанавливается законами, принимаемыми парламентом, и потому Тайному совету удалось взять верх над их светло-

---

* Уитекер, Джозеф (1820–1895) – английский издатель. Его имя связано с «Альманахом Уитекера», впервые опубликованным в 1868 г. «Календарь» Уитекера – популярный справочный ежегодник.

** Тайный совет – в Англии совет при короле, впервые возник в XIII в. Члены совета назначались королем из министров, придворных, высшего духовенства. Тайный совет состоял из ряда комитетов, в том числе и по вопросам религии.

стями, и вера в ад перестала считаться обязательной для христиан. Вот почему я не стану настаивать на том, что христианин непременно должен верить в ад.

Существование Бога

Переходя к вопросу о существовании бога, я должен заметить, что это — большой и серьезный вопрос, и если бы я вздумал разобрать его хоть сколько-нибудь должным образом, то мне пришлось бы продержат вас здесь до второго пришествия. Так что вам придется извинить меня, если я коснусь его в несколько общей форме. Как вам, конечно, известно, католическая церковь установила в качестве догмы, что существование бога может быть доказано одним разумом, без помощи откровения. Это несколько странная догма, но тем не менее она является одной из ее догм. Ввести эту догму католическую церковь вынудило следующее обстоятельство. Одно время вольнодумцы завели привычку утверждать, что можно привести множество аргументов, при помощи которых один разум в состоянии опровергнуть существование бога; для католической же церкви существование бога, разумеется, было вопросом веры. Вольнодумцы принялись рьяно разрабатывать такие аргументы и доводы, и католическая церковь почувствовала, что этому надо положить конец. Оттого-то она и установила, что существование бога может быть доказано одним разумом, без помощи откровения, и ей пришлось выработать аргументы, которые, как она полагала, доказывают существование бога. Аргументов таких, понятно, довольно много, но я остановлюсь лишь на нескольких.

Аргумент первопричины

Пожалуй, проще и легче всего разобраться в аргументе первопричины. Приверженцы христианства утверждают, что все, что мы видим в этом мире, имеет причину; идя по причинной цепи все дальше и дальше вглубь, вы непре-

менно должны прийти к первопричине, и этой-то первопричине вы и присваиваете имя бога. В наши дни, как мне представляется, аргумент первопричины не пользуется особенно большим авторитетом прежде всего потому, что само понятие причины стало далеко не таким, каким оно было в прошлом. Понятие причины подверглось атакам философов и людей науки и ныне уже не обладает той жизненностью, какой оно отличалось в прошлом; но и помимо этого вы можете убедиться в том, что аргумент, согласно которому должна существовать первопричина, является совершенно несостоятельным.

Признаюсь, что, когда я был еще молодым человеком и весьма серьезно ломал себе голову над этими вопросами, я долгое время принимал аргумент первопричины, пока однажды (мне было тогда 18 лет) не прочел «Автобиографию» Джона Стюарта Милля*, где наткнулся на следующее место: «Отец объяснил мне, что на вопрос: „Кто меня сотворил?“ — нельзя дать ответ, ибо это немедленно повлекло бы за собой новый вопрос: „А кто сотворил бога?“ Это необычайно простое место убедило меня, и до сих пор я пребываю в убеждении, что аргумент первопричины является ложным. В самом деле, если все должно иметь причину, то должен иметь причину и бог. Если же может существовать нечто, не имеющее причины, то этим нечто сама природа может быть ничуть не хуже бога, так что аргумент первопричины абсолютно недействителен.

По своей природе аргумент первопричины ничем не отличается от воззрения того индуса, который считал, что мир покоится на слоне, а слон — на черепахе; когда же ин-

---

* Милль, Джон Стюарт (1806–1873) – английский экономист и философ, представитель позитивизма и утилитаризма, известен своими трудами: «Система логики силлогистической и индуктивной» (1843), «Принципы политической экономии» (1848), «О свободе» (1859). Работы Милля «Автобиография» и «Три эссе о религии» были опубликованы посмертно, в 1874 г.

дуса спрашивали: «А на чем же держится черепаха?» — тот отвечал: «Давайте поговорим о чем-нибудь другом». И впрямь, аргумент первопричины ничуть не лучше ответа, данного индусом. Ведь нет никаких оснований считать, что мир не мог возникнуть без причины; с другой стороны, нет никаких оснований считать, что мир не мог существовать вечно. Нет никаких оснований предполагать, что мир вообще имел начало. Представление о том, что вещи обязательно должны иметь начало, в действительности обязательно убожеству нашего воображения. Поэтому, пожалуй, мне нет нужды более тратить время на разбор аргумента первопричины.

Аргумент естественного закона

Далее, весьма широкое распространение получил аргумент естественного закона. Особой популярностью этот аргумент пользовался на протяжении всего XVIII столетия, главным образом под влиянием сэра Исаака Ньютона и его космогонии. Люди заметили, что планеты вращаются вокруг Солнца в соответствии с законом тяготения. И люди решили, что происходит это вследствие того, что бог повелел планетам двигаться именно таким образом, а не иначе. Это было, разумеется, в высшей степени удобное и простое объяснение, которое избавляло людей от заботы смотреть глубже, чтобы дойти до объяснения самого закона тяготения. В настоящее время мы объясняем закон тяготения довольно сложным способом, который был введен Эйнштейном.

В мои намерения не входит читать вам лекцию о законе тяготения, как он был истолкован Эйнштейном, ибо это тоже отняло бы у нас много времени. Для наших целей достаточно сказать, что в нашем распоряжении нет больше понятия естественного закона в том виде, в каком оно существовало в ньютоновской системе, в которой по какой-то непостижимой причине природа вела себя всегда оди-

наково. Ныне мы обнаруживаем, что очень многое из того, что мы считали естественными законами, на самом деле оказывается человеческими условностями. Вы знаете, что даже в отдаленнейших глубинах звездного пространства три фута всегда составляют ярд. Это, вне всякого сомнения, весьма примечательный факт, но вы вряд ли назовете его законом природы. А к той же категории относится очень многое из того, что рассматривалось прежде в качестве законов природы.

С другой стороны, в тех случаях, когда вам удастся получить какие-либо познания относительно того, как в действительности ведут себя атомы, вы обнаруживаете, что они в гораздо меньшей степени подчинены закону, чем это представлялось людям ранее, и что законы, к которым вы приходите, являются статистическими средними именно такого типа, в основе которого лежит случай. Всем вам известно, что существует закон, согласно которому при бросании костей двойная шестерка выпадает только в одном примерно случае из тридцати шести, и мы не усматриваем в этом доказательство того, что падение костей регулируется чьей-то волей; как раз наоборот, если бы двойная шестерка выпадала всякий раз, тогда мы сочли бы, что чья-то воля регулирует падение костей. К этому типу и принадлежат в своем большинстве законы природы. Они являются статистическими средними того типа, который выводится на основании законов случая; и данный факт делает всю эту историю с естественным законом гораздо менее убедительной, чем это представлялось в прошлом. Но и совершенно независимо от данного факта, отражающего преходящее состояние науки, которое может завтра измениться, вся идея о том, что естественные законы предполагают наличие законодателя, обязана своим возникновением смешению естественных и человеческих законов.

Человеческие законы являются предписаниями, повелевающими вам следовать определенной линии пове-

дения, которую вы можете избрать для себя, но можете и отвергнуть; естественные же законы являются описанием того, как в действительности ведут себя вещи. И так как они являются просто описанием того, как в действительности ведут себя вещи, вы не можете утверждать, что должен существовать некто, предписавший им вести себя таким образом, ибо уже одно предположение об этом выдвигает перед нами вопрос: «А почему бог предписал именно эти законы, а не другие?» Если вы отвечаете, что он это сделал просто по своей доброй воле и без всякой причины, то тогда вы обнаруживаете, что существует нечто, не подчиненное закону, и, таким образом, ваша цепь естественного закона оказывается прерванной. Если же вы отвечаете, как отвечают более правоверные богословы, что во всех тех законах, которые бог предписал, он имел причину предписать именно эти законы, а не другие (причина эта, конечно, заключалась в том, чтобы сотворить наилучшую Вселенную, хотя вам никогда и в голову не придет, что она похожа на наилучшую Вселенную), — словом, если имелась причина для тех законов, которые бог предписал, то в таком случае сам бог был подчинен закону. Следовательно, вы ничего не выгадываете от того, что ввели бога в качестве посредника. Вы приходите, по существу, к признанию закона, независимого от божественных установлений и предшествующего им, и допущение бога бьет мимо цели, так как он не является конечным законодателем.

Короче говоря, весь этот аргумент относительно естественного закона больше не имеет той силы, какой он обладал в прошлом. В своем обзоре аргументов я рассматриваю их во времени. С течением времени аргументы, используемые для доказательства существования бога, меняют свой характер. На первых порах они были незыблемыми интеллектуальными аргументами, воплощающими известные, вполне определенные заблуждения. Когда же мы подходим к Новому времени, они становятся менее

почтенными в интеллектуальном отношении и все больше и больше отмеченными печатью своеобразной морализующей неопределенности.

Аргумент целесообразности

Следующая ступень в указанном процессе приводит нас к аргументу целесообразности. Всем вам известно, в чем заключается этот аргумент: все в мире устроено таким образом, чтобы мы могли в нем жить; а если бы мир был устроен хоть немного иначе, то мы не смогли бы в нем жить. Именно в этом состоит аргумент целесообразности. Порой он принимает довольно курьезные формы; например, можно услышать, что кролики потому имеют белые хвосты, чтобы в них легче было целиться. Не знаю уж, как оценили бы этот аргумент сами кролики. Аргумент целесообразности является удобной мишенью для насмешек. Всем вам известна острота Вольтера, что, по-видимому, нос был предназначен для того, чтобы на нем могли держаться очки. Правда, позднее выяснилось, что подобные насмешки не так уж метки, как это могло казаться в XVIII столетии, ибо со времени Дарвина мы стали гораздо лучше понимать, почему живые существа приспособлены к окружающей их среде. Дело вовсе не в том, что среда была создана таким образом, чтобы соответствовать живым существам; наоборот, сами живые существа изменились так, чтобы соответствовать окружающей их среде, и именно это является основой приспособления. Никакой целесообразности это не доказывает.

Когда начинаешь вдумываться в аргумент целесообразности, то просто диву даешься, как люди могут поверить, будто наш мир, со всеми вещами, в нем находящимися, со всеми его изъянами, является самым лучшим, что только смогло создать всемогущество и всеведение на протяжении миллионов лет. Я действительно не могу поверить этому. Неужели вы думаете, что если бы вас надели-

ли всемогуществом и всеведением да еще дали бы в придачу миллионы лет, чтобы совершенствовать созданный вами мир, то вы не смогли бы создать ничего лучшего, чем ку-клукс-клан, фашисты или м-р Уинстон Черчилль? Право, на меня не производят большого впечатления те люди, которые заявляют: «Взгляните на меня: я такое великолепное творение, что во Вселенной непременно должна существовать целесообразность». На меня великолепие этих людей не производит особенно большого впечатления. Вот почему я полагаю, что в действительности аргумент целесообразности является весьма и весьма убогим аргументом. К тому же если вы принимаете обычные законы науки, то вы должны допустить, что в конце концов человеческая жизнь и вообще жизнь на нашей планете прекратится: земная жизнь — всего лишь вспышка; она — ступень в процессе упадка Солнечной системы; на определенной ступени упадка образуются такие температурные и иные условия, которые благоприятны для протоплазмы, и на короткое время в Солнечной системе возникает жизнь. Луна является вам то состояние, к которому движется Земля, — нечто мертвое, холодное и безжизненное.

Мне возражают, что это угнетающий взгляд, а порой люди еще добавляют, что если бы они согласились с подобным взглядом, то после этого жизнь для них стала бы невыносимой. Не верьте этому; это совершеннейшая чепуха. На самом деле никто не станет особенно волноваться из-за того, что должно случиться через миллионы лет. Если даже иным и кажется, что они всерьез волнуются из-за этого, то на самом деле они обманывают сами себя. Люди волнуются из-за чего-то гораздо более земного, или они просто страдают несварением желудка; но в действительности никто не станет серьезно отчаиваться при мысли о чем-нибудь таком, что должно случиться с нашим миром через миллионы и миллионы лет. Вот почему, соглашаясь с тем, что предположение о неизбежности гибели жизни на са-

мом деле является мрачным взглядом (по крайней мере, мне кажется, что мы вправе так утверждать, хотя порой, когда я принимаюсь размышлять над тем, какое употребление люди делают для своих жизней, этот взгляд представляется мне чуть ли не утешением), я не могу в то же время признать, что это такой взгляд, который делает жизнь невыносимой. Он просто побуждает вас обратить свое внимание на другие вещи.

*Нравственные аргументы в пользу
существования Бога*

Теперь мы снижаемся еще на одну ступеньку в том, что я называю интеллектуальным сошествием (intellectual descent), проделанным теистами в их аргументации, и приходим к тому, что называют нравственными аргументами в пользу существования бога. Все вы, конечно, знаете, что в старину были в ходу три интеллектуальных аргумента в пользу существования бога и что все они были опровергнуты Иммануилом Кантом в его «Критике чистого разума»; но стоило ему опровергнуть эти аргументы, как он тут же сочинил новый аргумент, нравственного порядка, и совершенно уверовал в него. Кант был похож на многих людей: в интеллектуальных вопросах он был человеком скептического склада, но в вопросах нравственных он безоговорочно принимал на веру все понятия, усвоенные с молоком матери. Этот пример служит иллюстрацией настойчиво подчеркиваемого психоаналитиками факта, что идейные ассоциации, возникшие у людей в самом раннем детстве, оказывают на нас гораздо большее влияние, чем идейные ассоциации, возникшие в более поздние годы.

Итак, как я уже сказал, Кант сочинил новый, нравственный аргумент в пользу существования бога, и аргумент этот в различных формах пользовался необычайной популярностью на протяжении всего XIX столетия. Формы, которые принимает нравственный аргумент, весьма многообразны.

Одной из них является утверждение, что если бы бога не существовало, то не было бы ни добра, ни зла. Меня в данный момент не интересует, есть ли вообще различие между добром и злом или такого различия нет: это вопрос другой. Меня интересует следующее. Если вы совершенно убеждены, что различие между добром и злом имеется, то тогда вы оказываетесь перед новой проблемой. Обязано ли это различие своим существованием божественному установлению или нет? Если оно обязано своим существованием божественному установлению, в таком случае для самого бога нет различия между добром и злом, и, следовательно, утверждение, что бог добр, утрачивает всякий смысл. Если же вы склонны утверждать, как утверждают богословы, что бог добр, тогда вам придется признать, что добро и зло имеют какое-то значение, которое не зависит от божественного установления, ибо божественные установления являются добрыми, а не злыми независимо от того обстоятельства, что они исходят от бога. Но если вы склонны признать это, тогда вам придется признать и то, что своим возникновением добро и зло обязаны не одному только богу. Разумеется, вы можете, если вам угодно, заявить, что существовало верховное божество, которое отдавало повеления богу, сотворившему этот мир; или вы можете принять воззрение, которого придерживались некоторые гностики, — воззрение, часто представлявшееся мне весьма убедительным, что на самом деле известный нам мир был сотворен дьяволом в тот момент, когда бог спал. В пользу этого воззрения можно привести немало доводов, и не мое дело их опровергать.

Аргумент искупления несправедливости

Нравственный аргумент принимает и иную, весьма любопытную форму, которая сводится к следующему: приверженцы христианства утверждают, что существование бога необходимо для того, чтобы утвердить в мире спра-

ведливость. В известной нам части Вселенной царит великая несправедливость; часто праведные люди страдают, а порочные преуспевают, и не знаешь, по поводу чего больше сокрушаться; но если вы хотите, чтобы справедливость восторжествовала во всей Вселенной, то вы должны допустить существование загробной жизни, где равновесие жизни, прожитой здесь, на земле, окажется восстановленным. Таким образом, приверженцы христианства заявляют, что должен существовать бог и должны существовать рай и ад, чтобы в конечном счете справедливость могла восторжествовать.

Это весьма любопытный аргумент. Если взглянуть на дело с научной точки зрения, то придется сказать: «В конце концов, я знаю только этот мир. Об остальной Вселенной я ничего не знаю, но, насколько вообще можно рассуждать о вероятном, следует заключить, что, наверное, этот мир является великолепным образцом, и раз здесь царит несправедливость, то, по всей вероятности, несправедливость царит и повсюду». Представьте себе, что вы получили корзину апельсинов, раскрыли ее и обнаружили, что весь верхний слой апельсинов сгнил; ручаюсь, что вы не станете рассуждать: «Внизу апельсины должны быть хорошими, чтобы восстановить равновесие». Нет, вы решите: «Наверное, вся корзина никуда не годится»; и именно таким в действительности будет ход рассуждений научно мыслящего человека о Вселенной. Он решит: «Здесь, в этом мире, мы обнаруживаем много несправедливого, и это дает нам основание предположить, что справедливость не правит в мире; следовательно, данный факт служит нравственным аргументом против существования божества, а не в пользу его существования». Я, конечно, знаю, что в действительности принимать христианство людей побуждают вовсе не те интеллектуальные аргументы, о которых я беседовал с вами. Причины, которые в действительности побуждают людей верить в бога, вообще не имеют ничего общего с

интеллектуальными аргументами. Большинство людей верит в бога просто потому, что эту веру в них вдалбливали с младенческих лет, и это — главная причина.

Другой могущественнейшей причиной, на мой взгляд, является желание иметь ангела-хранителя, своеобразное чувство, что у тебя есть старший брат, который позаботится о тебе. Это чувство играет весьма серьезную роль в том, что оказывает влияние на стремление людей верить в Бога.

Личность Христа

Теперь я хочу сказать несколько слов по теме, которой, как мне часто казалось, рационалисты уделяют явно недостаточное внимание, а именно по вопросу о том, был ли Христос самым лучшим и мудрейшим из людей. Обычно считается само собой разумеющимся, что в этом вопросе все мы должны быть согласны — да, был. Но я думаю иначе. Я полагаю, что найдется очень много пунктов, в которых я соглашаюсь с Христом гораздо больше, чем люди, исповедующие христианство. Не думаю, чтобы я смог следовать за Христом до конца, но я смог бы следовать за ним значительно дальше, чем может это сделать большинство людей, исповедующих христианство. Вы помните, что он сказал: «...не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» (Мф 5:39). Слова Христа не выражали какой-либо новой заповеди или нового принципа. Лао-цзы и Будда применяли этот принцип лет за 500 или 600 до Христа, но разве христиане принимают этот принцип на деле?

Я нисколько не сомневаюсь, например, что нынешний премьер-министр* является самым искренним христианином, и все же я никому из вас не посоветовал бы пойти и

---

* Речь идет о Болдуине Стэнли (1867–1947) – английском государственном деятеле, лидере консервативной партии, в 1923–1924, 1924–1929, 1935–1937 – премьер-министре.

ударить его по одной щеке. Вы смогли бы убедиться, я уверен, что, по его мнению, Христос придавал этим словам переносный смысл. Имеется и другой пункт, который мне кажется прямо-таки великолепным. Вы помните, что Христос сказал: «Не судите, да не судимы будете» (Мф 7:1). А пользовался ли этот принцип популярностью в судах христианских стран? Не думаю, чтобы вам удалось это обнаружить.

Я лично уже в свое время знал немало судей, которые являлись самыми ревностными христианами, но ни одному из них даже в голову не приходило, что в том, что они делали, они поступали вопреки христианским принципам. А потом Христос говорит: «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф 5:42). Это очень хороший принцип.

Ваш председатель предупредил вас, что мы собрались сюда не для того, чтобы заниматься обсуждением политических вопросов. И все же я не чувствую возможности удержаться от замечания, что на последних всеобщих выборах борьба разгорелась как раз по вопросу о том, как желательно было бы отвратиться от хотящего занять у тебя. Поневоле начинаешь думать, что партии либералов и консерваторов в нашей стране составлены из людей, которые не согласны с учением Христа, ибо они в этом случае, несомненно, самым решительным образом отвратились.

Я могу сослаться еще на одну заповедь Христа, которая, на мой взгляд, заслуживает всяческого одобрения, но я что-то не вижу, чтобы она пользовалась особой любовью среди некоторых из наших христианских друзей. Христос говорит: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим...» (Мф 19:21). Это великолепнейшая заповедь, но, как я уже сказал, в жизни ей не очень-то следуют.

Все это, на мой взгляд, прекрасные заповеди, хотя жить согласно этим заповедям несколько трудновато. Я не хочу сказать, что сам живу согласно этим заповедям; но, в кон-

це концов, я не ставлю перед собой подобной цели, да и спрос с меня другой, нежели с христианина.

Изъяны в учении Христа

Отдав должное этим великолепным заповедям, я перехожу к некоторым пунктам, в которых, на мой взгляд, нельзя усмотреть ни высочайшей мудрости, ни величайшей благодати Христа, которые ему приписываются в евангелиях. В данной связи я могу заметить, что мы не заняты исторической проблемой. Исторически вообще весьма сомнительно, существовал ли когда-либо Христос; если же он существовал, то о нем мы ничего не знаем. Таким образом, я не занимаюсь сейчас исторической проблемой, которая является необычайно трудной проблемой. Я занят тем Христом, который изображен в евангелиях, принимая евангельский рассказ, как он есть; и здесь мы находим ряд вещей, которые отнюдь не свидетельствуют об особой мудрости Христа.

Начну с того, что Христос, несомненно, считал, что его второе пришествие произойдет в облаках славы еще до того, как смерть унесет всех людей, живших в его время. Это доказывают очень многие места из евангельских текстов. Например, Христос говорит: «...не успеете обойти городов израилевых, как придет сын человеческий» (Мф 10:23). И еще он говорит: «...есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят сына человеческого, грядущего в царствии своем» (Мф 16:28); есть много и других мест, из которых совершенно ясно, что Христос верил в то, что его второе пришествие произойдет еще при жизни многих живших в то время людей. Веру эту разделяли и ранние последователи Христа, и она составляла основу многих элементов его нравственного учения. Когда Христос говорил: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф 6:34) — и другие подобные вещи, им двигало в весьма значительной мере убеждение, что второе прише-

ствие произойдет в самом скором времени и что все обычные, мирские дела не стоят и ломаного гроша.

Мне самому доводилось знать некоторых христиан, которые верили, что наступление второго пришествия близко. Так, я знал одного приходского священника, который до смерти напугал свою паству, сказав перед ней, что не сегодня-завтра непременно наступит второе пришествие; правда, его прихожане вполне утешились, когда увидели, что он сажает в своем саду деревья. Но ранние христиане на самом деле верили в это и воздерживались от таких вещей, как посадка деревьев в своих садах, ибо они действительно восприняли от Христа веру в близкое наступление второго пришествия. Ясно, что в данном отношении Христос не был столь мудр, как некоторые иные люди, а уж о высочайшей мудрости его и вовсе говорить не приходится.

Моральная проблема

Вопрос о личности Христа надо рассмотреть и в нравственном плане. В нравственном облике Христа имеется, на мой взгляд, один весьма серьезный изъян, и заключается он в том, что Христос верил в ад. Я не могу представить себе, чтобы какой-нибудь человек, действительно отличающийся глубокой человечностью, мог верить в вечную кару. А Христос, как он изображен в евангелиях, несомненно, верил в вечное наказание, и мы неоднократно находим места, в которых он исполнен мстительной злобы против людей, не желавших слушать его проповеди, отношение к инакомыслящим, которое отнюдь не является необычным у проповедников, но которое несколько умаляет величие такой исключительной личности, как Христос. Вы не обнаружите подобного отношения к инакомыслящим, например, у Сократа. Сократ относился к людям, не желавшим его слушать, добросердечно и снисходительно; и такое отношение представляется мне гораздо более достой-

ным поведением для мудреца, чем гнев. Вероятно, вы все помните, что говорил Сократ перед своей смертью и что он всегда говорил, обращаясь к людям, расхвалившимся с ним во мнениях.

А в евангелиях вы найдете, что Христос говорил: «Змии, порождения ехиднины как убежите вы от осуждения в геенну?» (Мф 23:33). Эти слова были обращены к людям, которые не приходили в восторг от его проповедей. Это никак нельзя, по-моему, признать наилучшим тоном, а в евангелиях есть очень много подобных мест об аде. И прежде всего, разумеется, известное место о прегрешении против святого духа: «...если же кто скажет на духа святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф 12:32). Это место причинило миру неисчислимые страдания, ибо люди всех состояний и положений вбили себе в голову, что они совершили грех против святого духа, который не простится им ни в сем мире, ни в будущем. Я отнюдь, действительно, не думаю, чтобы человек, по своей природе наделенный в какой-то мере добротой, стал сеять подобные страхи и ужасы в нашем мире.

Далее Христос говорит: «Пошлет сын человеческий ангелов своих, и соберут из царства его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Мф 13:41-42); и он еще долго продолжает говорить относительно плача и скрежета зубов. Это повторяется во многих стихах, и для читателя становится совершенно очевидным, что Христос предвещает плач и скрежет зубовой не без некоторого удовольствия, иначе он не заводил бы об этом разговор так часто. Затем все вы, конечно, помните место про овец и козлов: как он в свое второе пришествие собирается отделить овец от козлов и сказать козлам: «...идите от меня, проклятые, в огонь вечный...» (Мф 25:41). А далее он снова говорит: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти

в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк 9:43-44). Эта тема тоже повторяется много раз. Я вынужден заявить, что вся эта доктрина, будто адский огонь является наказанием за грехи, представляется мне доктриной жестокости. Это доктрина, которая посеяла в мире жестокость и принесла для многих поколений человеческого рода жестокие муки; и Христос евангелий, если принять то, что рассказывают о нем его же собственные летописцы, несомненно, должен быть признан частично ответственным за это.

В евангелиях есть и другие, менее значительные вещи того же порядка. Возьмите пример с гадаринскими свиньями; вы, конечно, согласитесь со мной, что Христос не очень-то милосердно обошелся со свиньями, вселив в них бесов, так что стадо бросилось с крутизны в море. Вы должны помнить, что Христос был всемогущ и мог просто велеть бесам убираться на все четыре стороны; но он предпочел вселить их в свиней. А вот еще странный рассказ про смоковницу, который меня самого всякий раз совершенно озадачивал. Вы помните, что случилось со смоковницей. «Он взалкал; и, увидев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не нашел, кроме листьев; ибо еще не время было собирания смокв. И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И... Петр говорит ему: Равви! посмотри, смоковница, которую ты проклял, засохла» (Мк 11:12-14,21). Это действительно весьма странный рассказ, ибо дело происходило в такое время года, когда смоквы еще не созревают, и дерево было совершенно неповинным. Словом, я решительно отказываюсь признать, что в вопросах мудрости или в делах добродетели Христос занимает такое же высокое место, как некоторые другие люди, известные нам из истории.

Мне думается, что я лично поставил бы Будду и Сократа в обоих этих отношениях выше Христа.

Эмоциональный фактор

Как я уже указывал, действительная причина того, почему люди принимают религию, на мой взгляд, не имеет ничего общего с доводами рассудка. Люди принимают религию из эмоциональных побуждений. Часто нас уверяют, что нападать на религию весьма пагубно, ибо религия делает людей добродетельными. Уверяли в этом и меня; но я что-то не примечал, чтобы дело происходило действительно так. Всем вам, несомненно, известно, как пародировал этот аргумент Сэмюэл Батлер* в своей книге «Возвращение в Едгин». Вы помните, что в «Едгине» изображен некий Хиггс, который попадает в далекую страну, проводит здесь некоторое время, а потом бежит из этой страны на воздушном шаре. Двадцать лет спустя Хиггс возвращается в ту же страну и обнаруживает, что едгинцы исповедуют новую религию, в которой предметом поклонения является он сам под именем Сына Солнца; и про него рассказывают, что он вознесся на небо. Хиггс прибывает как раз в канун торжеств по случаю праздника вознесения. Он подслушивает разговор профессоров Хэнки и Пэнки, рассказывающих друг другу, что они никогда и в глаза не видывали человека Хиггса и, надеются, никогда не увидят; однако именно они и являются первосвященниками религии Сына Солнца. Хиггс приходит в великое негодование, приближается к ним и заявляет: «А я возьму да и разоблачу все это шарлатанство и расскажу жителям Едгина, что Сын Солнца — это всего лишь я, человек Хиггс, и это я улетел на воздушном шаре». Но Хэнки и Пэнки отвечают ему: «Вы не должны этого делать, ибо на мифе о Сыне Солнца держится вся нрав-

---

* Батлер, Сэмюэл (1835–1902) – английский сатирик, новеллист, эссеист и критик. Автор произведений «Едгин» (анаграмма слова «нигде»: «Erehwon», 1872) и «Возвращение в Едгин» (1901), романа «Путь всякой плоти» (1903, издан посмертно) и других работ. «Едгин» и «Возвращение в Едгин» были встречены современниками как лучшие сатирические произведения, вышедшие в Англии после «Путешествий Гулливера».

ственность этой страны, и если только едгинцы узнают, что вы не возносились на небо, все они погрязнут в пороках». Довод этот убеждает Хиггса, и он мирно покидает страну.

Именно эту идею внушают нам приверженцы христианства — будто все мы погрязли бы в пороках, если бы не придерживались христианской религии. А я полагаю, что как раз те люди, которые придерживались христианской религии, и отличались в большинстве своем вопиющей порочностью. Вы признаете, разумеется, тот любопытный факт, что, чем сильнее были религиозные чувства и глубже догматические верования в течение того или иного периода истории, тем большей жестокостью был отмечен этот период и тем хуже оказывалось положение дел. В так называемые века веры, когда люди действительно верили в христианскую религию во всей ее полноте, существовала инквизиция с ее пытками; миллионы несчастных женщин были сожжены на кострах как ведьмы; и не было такого рода жестокости, которая не была бы пущена в ход против всех слоев населения во имя религии.

Взгляните на мир вокруг себя — и вы обнаружите, что каждая крупница прогресса в человеческих чувствах, каждое улучшение в уголовном законодательстве, каждый шаг, направленный на то, чтобы в мире было меньше войн, каждый шаг, сделанный с целью улучшить отношение к цветным расам, или любое смягчение рабства, любой нравственный прогресс, имевший место в мире, — все это неизменно наталкивалось на противодействие организованных церковью мира. И с полной ответственностью за свои слова я заявляю, что христианская религия в своей церковной организации была и все еще продолжает оставаться главным врагом нравственного прогресса в мире.

Как церкви задерживали прогресс

Вы можете подумать, что я хватил через край, когда заявил, что христианская религия все еще продолжает ос-

таваться главным врагом прогресса. Я же полагаю, что я совершенно прав. Возьмите такой факт. Прошу вас извинить меня за то, что я его упоминаю. Факт этот не из приятных, но церкви вынуждают нас упоминать факты, не принадлежащие к разряду приятных. Представим себе, что в том мире, в котором мы живем ныне, неопытная девушка свяжет себя узами брака с сифилитиком; в подобном случае католическая церковь заявляет: «Это — нерасторжимое таинство. До конца своих дней вы обязаны оставаться вместе», и женщина не имеет права предпринимать никаких шагов, чтобы предотвратить появление на свет сифилитических детей. Вот что заявляет католическая церковь. Я же говорю, что это — дьявольская жестокость; и ни один человек, у которого естественные симпатии не оказались извращенными догмой или нравственная природа не омертвела совершенно для всякого чувства сострадания, не может утверждать, что продолжение подобного состояния вещей справедливо и правильно.

Сказанное — не более чем пример. Существует великое множество путей, при помощи которых церковь, настаивая на том, что ей угодно называть нравственностью, и в наше время причиняет различным людям незаслуженные и ненужные страдания. И как вам, разумеется, известно, церковь в лице большей части своих представителей все еще продолжает оставаться противником прогресса и улучшения во всем, что ведет к уменьшению страданий в мире, ибо ей угодно приклеивать ярлык нравственности к определенному узкому кодексу правил поведения, которые не имеют никакого отношения к человеческому счастью. А когда вы заявляете, что следует сделать то или другое, ибо сделанное вами будет содействовать человеческому счастью, церковники полагают, что это вообще не имеет никакого отношения к делу. «Какое отношение человеческое счастье имеет к нравственности? Ведь цель нравственности заключается во все не в том, чтобы сделать людей счастливыми. Цель нрав-

ственности — сделать их пригодными для неба». И, надо думать, непригодными для этого мира.

Страх — основа религии

Религия основана, на мой взгляд, прежде всего и главным образом на страхе. Частью это ужас перед неведомым, а частью, как я уже указывал, — желание чувствовать, что у тебя есть своего рода старший брат, который постоит за тебя во всех бедах и злоключениях. Страх — вот что лежит в основе всего этого явления, страх перед таинственным, страх перед неудачей, страх перед смертью. А так как страх является прародителем жестокости, то неудивительно, что жестокость и религия шагали рука об руку. Потому что основа у них обеих одна и та же — страх. В этом мире мы начинаем ныне понемногу постигать вещи и понемногу подчинять их с помощью науки, которая шаг за шагом прокладывает себе дорогу, преодолевая вражду христианской религии, вражду церквей и сопротивление всех обветшалых канонов. Наука лишь может помочь нам преодолеть тот малодушный страх, во власти которого человечество пребывало в продолжение жизни столь многих поколений. Наука может научить нас — и этому, я думаю, нас могут научить наши собственные сердца — перестать озираться вокруг в поисках воображаемых защитников, перестать придумывать себе союзников на небе, а лучше положиться на собственные усилия здесь, на земле, чтобы сделать этот мир местом, пригодным для жизни, а не таким местом, каким его делали церкви на протяжении всех этих столетий.

Что мы должны делать

Нам надо стоять на своих собственных ногах и глядеть прямо в лицо миру — со всем, что в нем есть хорошего и дурного, прекрасного и уродливого; видеть мир таким, как он есть, и не бояться его. Завоевывать мир разумом, а не рабской покорностью перед теми страхами, которые он

порождает. Вся концепция бога является концепцией, перенятой от древних восточных деспотий. Это — концепция, совершенно недостойная свободных людей. Когда вы слышите, как люди в церкви уничижают себя и заявляют, что они несчастные грешники и все прочее, то это представляется унижительным и недостойным уважающих себя человеческих существ. Мы же должны стоять прямо и глядеть открыто в лицо миру. Мы должны взять от мира все, что он может дать; и если это окажется меньше того, что нам хотелось бы, то в конце концов на нашу долю достанется все же больше, чем удалось взять от мира на протяжении всех минувших веков другим людям. Хорошему миру нужны знание, добросердечие и мужество; ему не нужны скорбное сожаление о прошлом или рабская скованность свободного разума словесами, пущенными в обиход в давно прошедшие времена невежественными людьми. Хорошему миру нужны бесстрашный взгляд и свободный разум. Ему нужна надежда на будущее, а не бесконечные оглядки на прошлое, которое уже умерло и, мы уверены, будет далеко превзойдено тем будущим, которое может быть создано нашим разумом.

1927 год

Свободомыслие и официальная пропаганда*

Каждый человек окружает себя успокаивающими убеждениями, что вьются вокруг него, словно рой мух в жаркий день.

Б. Рассел

Энкур Конвей, в память которого мы собрались сегодня, посвятил свою жизнь двум великим целям: свободе мысли и свободе личности. С тех пор в отношении обеих

---

* Перевод Е. Козловой.

этих целей многое было достигнуто, но многое и утрачено. Новые опасности, несколько иные по форме, чем прежде, угрожают и той и другой свободам и, несмотря на то, что на их защиту может стать энергичное и бдительное общественное мнение, через сотню лет и той, и другой может быть гораздо меньше, чем сейчас. Цель моей речи — обратить внимание на новые опасности и рассмотреть способы, как избежать их.

Позвольте начать с попытки разъяснить значение выражения «свободная мысль». Оно имеет два смысла. В своем самом узком смысле это выражение подразумевает мышление, не принимающее догм традиционной религии. В этом смысле человек — «вольнодумец», если он не христианин, не мусульманин, не буддист, не сионист и не член любой другой конфессии, исповедующий какую-либо унаследованную религию. В христианских странах человек называется «вольнодумцем», если про него нельзя сказать решительно, что он верит в Бога, хотя этого недостаточно, чтобы считать человека «вольнодумцем» в буддистской стране.

Я все же не хотел бы преуменьшать значение свободы мысли в этом аспекте. Сам я не принадлежу ни к одной существующей религиозной конфессии и надеюсь, что любое религиозное верование прекратит со временем свое существование. Равно как я не верю и в то, что религия способствовала распространению добра в мире. Хотя я готов признать, что в определенное время и в определенных странах она имела некоторый положительный эффект, и я отношу его к периоду становления человеческого разума и к тому этапу развития, который мы уже переросли.

Существует также и более широкий смысл выражения «свободная мысль», который, я считаю, имеет еще большее значение. В самом деле, вред, нанесенный традиционными религиями, кажется особенно ощутимым в свете того факта, что они препятствовали свободной мысли в этом широ-

ком смысле. И этот смысл, в отличие от узкого, не так просто определить, и было бы неплохо потратить некоторое время на выяснение его сути.

Когда мы говорим о чем-либо как о свободном, наше понимание неопределенно до тех пор, пока мы не сможем сказать, от чего оно свободно. Что-нибудь или кто-нибудь свободный, если он не подвергается какому-либо внешнему принуждению, и чтобы быть точными, мы должны определить, что это за принуждение. Таким образом, мысль «свободна», если она свободна от какого-либо вида часто присутствующего внешнего контроля. Некоторые виды контроля, которые должны отсутствовать, если мысль «свободна», довольно очевидны, но другие более трудно уловимы или скрыты.

Начнем с наиболее очевидных. Мысль не свободна, если на сторонников или оппонентов того или иного мнения накладываются различные правовые наказания, либо существует возможность для выражения только одного мнения или отсутствия мнения по определенным вопросам. Даже такой элементарный вид свободы до сих пор существует лишь в очень немногих странах мира. В Англии по закону о богохульстве незаконно выражать неверие в христианскую религию, хотя на деле этот закон не применяется для богатых. Также незаконным считается преподавание учения Христа о непротивлении злу. Поэтому любой, кто желает избежать участи преступника, должен выражать согласие с учением Христа, но должен избегать говорить, о чем это учение. В Америке никто не может попасть в страну без официального заявления, что он не является последователем анархизма и против полигамии; он также не должен быть сторонником коммунистов. В Японии незаконно выражать неверие в божественность Микадо. Таким образом, путешествие вокруг света может оказаться весьма рискованным предприятием. Последователь Мухаммеда или Толстого, большевик или христианин не может

предпринять его без того, чтобы не стать в какой-то момент преступником, или он должен молчать о том, что считает важным и истинным. Это, конечно, относится только к пассажирам третьего класса; пассажирам первого класса разрешается верить во все, во что они ни пожелают, ограждая их от оскорбительной навязчивости.

Ясно, что элементарным условием свободы мысли является отсутствие правовых наказаний на выражение мнений. Ни одна великая держава еще не достигла этого уровня, хотя большинство из них с этим утверждением не согласятся. Убеждения, за которые все еще можно подвергнуться гонениям, кажутся большинству настолько чудовищными и безнравственными, что общий принцип терпимости не применяется к ним. Но именно нетерпимость к инакомыслию сделала возможным в свое время ужасы инквизиции. Было время, когда протестантизм казался таким же злом, каким сейчас кажется большевизм. Пожалуйста, не делайте из этого замечания заключение, что я либо протестант, либо большевик.

Тем не менее, в современном мире правовые наказания в наименьшей степени мешают свободе мысли. Два наиболее существенных препятствия — это экономические наказания и искажение фактов. Очевидно, что мысль не может быть свободна, если следование определенным убеждениям не дает возможности зарабатывать на жизнь. Ясно также, что мысль не свободна, если все аргументы одной стороны в споре всегда представляются как можно более привлекательными, тогда как аргументы противоположной стороны можно обнаружить только при целенаправленном поиске. Оба этих препятствия существуют в каждой известной мне большой стране, кроме Китая — последнего островка свободы. Именно об этих препятствиях я буду вести речь: об их теперешнем состоянии и значении, о вероятности их увеличения и возможности их сокращения.

Мы можем сказать, что мысль свободна, когда она ставится в условия свободной конкуренции наряду с другими убеждениями, т. е. когда каждый может изложить свою точку зрения и когда ни юридические, ни материальные преимущества или неудобства не влияют на убеждения. Это идеал, который по различным причинам никогда не может быть достигнут. Но можно приблизиться к нему гораздо ближе, чем мы находимся сейчас.

Три случая из моей собственной жизни могут послужить примером того, как в современной Англии чаши весов склонились в сторону христианства. Я упоминаю их потому, что многие люди совершенно не сознают те неудобства, которые они испытывают, открыто исповедуя агностицизм.

Первый инцидент произошел на раннем этапе моей жизни. Мой отец был свободомыслящим человеком, но умер, когда мне было только три года. Желая, чтобы я вырос без религиозных предрассудков, он назначил моими опекунами двух таких же свободомыслящих людей. Суд, тем не менее, пренебрег его волей, и я был воспитан в христианской вере. Я боюсь, результат был разочаровывающим, но это не вина закона. Если бы отец захотел, чтобы я воспитывался как маглетонианист или как адвентист седьмого дня, судьи и не подумали бы возражать. Родители имеют право предопределять любой мыслимый предрассудок, который будет внушаться их детям после их смерти, но не имеют права завещать, чтобы их дети были, по возможности, защищены от суеверий.

Второй случай произошел в 1910 г. В то время я хотел баллотироваться в парламент от либеральной партии, и члены фракции рекомендовали меня определенному избирательному округу. Я выступил с речью в Либеральной Ассоциации, которая отнеслась ко мне благосклонно, и мое принятие казалось делом решенным. Но, будучи спрошенным о своих убеждениях на небольшом закрытом предвыборном фракционном совещании, я ответил, что я

агностик. Они спросили, может ли этот факт обнаружиться, и я сказал, что это возможно. Меня спросили, не хотел бы я время от времени посещать церковь, и я ответил, что нет. В результате они выбрали другого кандидата, который был избран обычным порядком и с тех пор был членом парламента, а сейчас стал членом правительства.

Третий инцидент произошел сразу же после этого. Я был приглашен Тринити колледжем Кембриджа стать лектором, но не членом совета колледжа. Разница не в деньгах, а в том, что член совета колледжа имеет право голоса в правлении колледжа и не может быть уволен во время его членства в совете колледжа, за исключением серьезного аморального проступка. Основной причиной того, что мне не предложили участия в совете, было то, что клерикальная партия не желала увеличения антиклерикальных голосов. В результате у них была возможность уволить меня в 1916 г., когда им не понравились мои взгляды на войну. Если бы я был в материальном плане зависим от работы в колледже, то мне пришлось бы голодать.

Три эти случая иллюстрируют тот ущерб, который наносится людям, открыто заявляющим о своем свободомыслии, даже в современной Англии. Любой другой человек, придерживающийся этих же взглядов, мог бы поделиться похожими случаями из своего собственного опыта, но часто более серьезного характера. В конечном счете, люди не слишком состоятельные не смеют говорить откровенно о своих религиозных убеждениях.

Отсутствие свободы, конечно, не связано только или даже главным образом с религией. Вера в коммунизм или свободную любовь ставит человека в гораздо более невыгодное положение, чем агностицизм. Не только вредно придерживаться этих взглядов, но и гораздо сложнее предать гласности аргументы в их пользу. С другой стороны, в России преимущества и недостатки прямо противоположны: привилегии и власть достигаются теми, кто исповедует атеизм, коммунизм и свободную любовь, и нет ника-

кой возможности для распространения противоположных взглядов. В результате в России одна группа фанатиков абсолютно уверена относительно определенной совокупности сомнительных истин, тогда как в остальной части мира другая группа фанатиков чувствует такую же уверенность относительно диаметрально противоположной совокупности столь же сомнительных утверждений. И с той и с другой стороны такая ситуация порождает войны, разочарования и преследования.

Уильям Джеймс когда-то проповедовал «волю к вере». Я, со своей стороны, хотел бы проповедовать «волю к сомнению». Ни одно из наших убеждений не является абсолютной истиной, все они несут на себе по крайней мере отпечаток неопределенности и заблуждения. Методы увеличения степени истинности наших убеждений хорошо известны: они состоят в попытке выслушать все стороны, в попытке установить все относящиеся к делу факты, в сдерживании наших собственных пристрастий в спорах с людьми, имеющими противоположные пристрастия, и в готовности отказаться от любой гипотезы, в случае если доказано, что она неверна. Использование таких методов практикуется в науке, и они составляют основу научных знаний. Каждый истинный ученый готов признать, что любое современное научное знание, несомненно, требует изменений (коррекции) по мере развития науки. Тем не менее, этого достаточно для реализации большинства, хотя и не всех, целей научного исследования на практике. В науке, в которой только и можно обнаружить нечто приближающееся к подлинному знанию, установки людей относительны и полны сомнений.

В религии и политике, напротив, несмотря на то, что все еще не существует ничего похожего на научный подход к знаниям, все считают *de rigueur* иметь догматичное мнение, поддерживаемое насаждением голода, тюрем и войны и тщательно охраняемое от аргументированной кон-

курении с любым другим мнением. Если бы только было возможным, чтобы люди взглянули на эти проблемы с точки зрения пытливого агностика, девять десятых всего зла современного мира можно было бы исправить. Войны бы стали невозможны, потому что каждая сторона осознавала бы, что не правы могут быть обе стороны. Преследования прекратились бы. Образование ставило бы своей целью расширение и развитие мышления, а не его ограничение. Для работы бы подбирались люди, способные делать ее, а не потому, что они льстят иррациональным догмам стоящих у власти. Таким образом, одного только рационального сомнения будет достаточно для того, чтобы достичь золотого века.

Совсем недавно у нас был великолепный пример научного подхода к теории относительности и ее восприятию миром. Эйнштейн, германо-швейцарско-еврейский пацифист, был назначен германским правительством профессором, занимающимся научными исследованиями, в первые дни войны 1914-1918 гг.; его предсказания были подтверждены английской экспедицией, наблюдавшей затмение Луны 1919 г. вскоре после прекращения военных действий. Теория Эйнштейна изменяет всю теоретическую основу традиционной физики, она почти так же разрушительна для ортодоксальной динамики, как теории происхождения Дарвина для «Книги Бытия». И тем не менее физики повсюду высказывали готовность принять теорию Эйнштейна, поскольку для нее существовало множество подтверждающих свидетельств. Но никто из них, и меньше всех сам Эйнштейн, не требует, чтобы за ним осталось последнее слово. Он не возводил монумент безошибочной догмы, вечной на все времена. Существуют проблемы, которых он не может разрешить; его доктрина, в свою очередь, будет изменена, как была изменена теория Ньютона. Это критическое, недогматическое восприятие и есть настоящая позиция науки.

Что бы произошло, если бы Эйнштейн выдвинул что-нибудь столь же новое в сфере религии или политики? Англичане нашли бы в его теории элементы пруссачества; антисемиты сочли бы это сионистским сюжетом; националисты всех стран посчитали бы, что она заражена трусливым пацифизмом, и провозгласили бы ее не более чем простой уловкой для уклонения от военной службы. Все старомодные профессора обратились бы в Скотланд Ярд с просьбой запретить ввоз его сочинений. Учителя, относившиеся к нему с симпатией, были бы уволены. Он (тем временем) был бы захвачен правительством какой-нибудь отсталой страны, где стало бы незаконно учить еще чему-нибудь, кроме его доктрины, которая бы выросла до размеров мистической догмы, никому не понятной. В конце концов, вопросы истинности или ложности его доктрины решались бы на поле битвы, без всяких попыток поиска каких-либо новых подтверждающих или опровергающих свидетельств. Это и есть логическое следствие «желания вер Дть» Вильяма Джеймса.

Необходимо не только желание верить, но и желание познать, что есть совершенно противоположное.

Если допустить, что условие рационального сомнения стало бы насущной необходимостью, то стало бы важным узнать, почему в мире так распространена иррациональная уверенность. В основном это следствие унаследованной нами иррациональности и доверчивости обычного человека. Но эти семена интеллектуального первородного греха питаются и взращиваются и другими факторами, среди которых три играют ведущую роль, а именно: образование, пропаганда и экономическое давление. Давайте рассмотрим каждый из них.

(1) Образование

Начальное образование во всех развитых странах находится в руках государства. Государственным чиновникам известно, что часть материала, который они предписы-

вают преподавать, является ложной, многие другие вещи также признаются ложными или, во всяком случае, сомнительными любым непредвзято рассуждающим человеком. Возьмем, например, преподавание истории. Каждая нация стремится в школьных учебниках истории лишь к самовосхвалению. Когда человек пишет автобиографию, ожидается, что он проявит определенную скромность; но когда нация пишет свою историю, то здесь нет пределов хвастовству и тщеславию. Когда я был молод, школьные учебники учили, что французы безнравственны, а немцы — добродетельны; сейчас они учат противоположному. Ни в том ни в другом случае нет и малейшего намека на правду. В немецких школьных учебниках описание битвы при Ватерлоо построено таким образом, что Веллингтон предстает практически разбитым и лишь Блюхер спасает ситуацию; английские учебники рассматривают Блюхера как полководца, практически никак не повлиявшего на исход битвы. Авторы и тех и других учебников знают, что они не говорят всей правды. Американские школьные учебники обычно были пропитаны антибританскими настроениями; начиная с войны 1914-1918 гг., они стали в той же степени пробританскими, не заботясь об истине ни в том ни в другом случае¹. И прежде, и сейчас одной из основных целей образования в Соединенных Штатах было превращение пестрой группы детей иммигрантов в «хороших американцев». Очевидно, что никому в голову не приходит, что «хороший американец», так же как «хороший немец» или «хороший японец», должен быть по определению плохим человеком. «Хороший» американец или американка — это человек, воспитанный в духе веры в то, что Америка — это лучшая страна на земле, и с энтузиазмом защищающий эту точку зрения во всех спорах. Если предположить, что такие утверждения верны, то рационально мыслящий человек не должен оспаривать их. И если они истинны, то должны преподаваться везде, а не только в Америке. Подозри-

тельно то, что таким предположениям никогда не верят за пределами той страны, которая их прославляет. Тем временем вся государственная машина в различных странах направлена на то, чтобы заставить верить беззащитных детей в абсурдные истины, цель которых — вдохновить их даже на смерть в защиту чьих-то зловещих интересов, внушая им, что они борются за правое дело. Это только один из бесчисленных способов осуществления образования: не давать истинных знаний, а сделать людей легко поддающимися воле их хозяев. Без тщательно отработанной системы обмана в начальной школе было бы невозможно сохранить уловки демократии.

Прежде чем оставить тему образования, я приведу другой пример из американской жизни — не потому, что Америка в чем-то хуже, чем другие страны, а потому, что она наиболее современна и наглядно демонстрирует те опасности, которые растут быстрее, чем исчезают другие. В штате Нью-Йорк нельзя открыть школу без государственной на то лицензии, даже если она целиком поддерживается на частные средства. Недавний закон постановил, что лицензия не может быть дана той школе, «где окажется, что преподаваемые знания включают ознакомление с доктриной, провозглашающей, что законное правительство может быть свергнуто с помощью насилия или других незаконных средств». Как подчеркивает «Нью репаблик», не имеет значения, о какой форме законного правительства идет речь. Закон, следовательно, объявил бы незаконным преподавание во время последней войны Доктрины о том, что правительство кайзеровской Германии должно быть свергнуто с помощью силы; а также незаконным считалось бы поддерживать Колчака или Деникина в их борьбе против советского правительства. Такие выводы, конечно, не предусматривались и стали результатом плохой разработки закона. Истинная суть разъяснялась в другом законе, принятом в то же время и обязательном для учителей го-

сударственных школ. Этот закон гласит, что сертификаты, дающие право преподавать в таких школах, должны выдаваться только тем, кто в «достаточной степени проявил лояльность и покорность в отношении правительств данного штата и Соединенных Штатов». Отказано должно быть тем, кто защищал — не имеет значения, где и когда — «форму правления, отличную от формы правления штата или Соединенных Штатов». Комитет, разработавший эти законы, как цитирует «Нью репаблик», установил, что преподаватель, «не одобряющий существующую социальную систему, должен быть отстранен от места» и что «только тому человеку, кто не стремится поддерживать теорию социальных изменений, можно вверить задачу воспитания у молодых и взрослых людей чувства гражданской ответственности». Итак, согласно закону штата Нью-Йорк, Христос и Джордж Вашингтон были бы слишком неустойчивы морально, чтобы доверить им образование молодежи. Если бы Христос пришел в Нью-Йорк и сказал: «Позвольте маленьким детям прийти ко мне», президент нью-йоркского школьного совета ответил бы: «Сэр, у меня нет доказательств того, что вы стремитесь бороться с теорией социальных изменений. На самом деле, я слышал, говорит, что Вы защищаете то, что Вы называете царством небесным, несмотря на то, что наша страна, слава Богу, республика. Очевидно, что политический строй Вашего царства небесного существенно отличается от такового в штате Нью-Йорк, поэтому Вы не будете допущены к детям». Если он не сделает такого заявления, то он не выполнит свой долг как должностное лицо, руководствующееся законом.

Эффект, производимый такими законами, очень серьезный. Чтобы подтвердить этот довод, давайте предположим, что правительство и социальная система штата Нью-Йорк — самые лучшие из когда-либо существовавших на этой планете; и тем не менее, даже в этом случае, и то и другое, по-видимому, могло бы быть усовершенствовано.

Любой, кто согласен с этим очевидным утверждением, не способен по закону преподавать в школе штата. Таким образом, закон предписывает, что учителя в школе должны быть либо лицемерами, либо дураками.

Растущая опасность, примером которой служит закон Нью-Йорка, является следствием сосредоточения власти в руках одной организации, будь то государство, или трест, или объединение трестов. В случае с образованием власть находится в руках государства, которое может оградить молодежь от знакомства с любой доктриной, которая его не устраивает. Я верю, что существуют еще люди, считающие, что демократическое государство едино со своим народом. Это, тем не менее, только иллюзия. Государство — это совокупность чиновников, разных в зависимости от поставленных целей, получающих приличный доход до тех пор, пока поддерживается status quo. Единственное изменение в status quo, которое они могли бы допустить, — это усиление бюрократии и власти бюрократов. Поэтому, естественно, они должны использовать все возможности, вплоть до вооруженных волнений, благодаря которым приобретает инквизиторская власть над их подчиненными, включая право заставлять голодать противостоящих им. Что касается духовной жизни и такого ее аспекта, как образование, здесь такое положение дел губительно. Оно уничтожает любые возможности прогресса, свободы и творческой инициативы. И все же это естественный результат того, что все начальное образование находится под влиянием одной-единственной организации.

Религиозная терпимость победила до определенной степени потому, что люди прекратили считать религию настолько важной для себя, как когда-то. Но в политике и экономике, которые заняли место, ранее принадлежавшее религии, появилась растущая тенденция к преследованиям, которые ни в коей мере не специфичны для какой-то определенной партии. Преследование инакомыслия в Рос-

сии более сурово, чем в любой капиталистической стране. Я встречался в Петр ограде с выдающимся русским поэтом Александром Блоком, который потом скончался от лишений. Большевики позволили ему преподавать эстетику, но он жаловался, что они настаивали на преподавании «с марксистских позиций». Он так и не смог установить связь теории ритмичности с марксизмом, хотя чтобы избежать голода, он делал все возможное, чтобы найти ее. Конечно, с тех пор как большевики пришли к власти, в России стало невозможно печатать что-нибудь критическое о догмах, на которых основан их режим.

Пример Америки и России иллюстрирует вывод, к которому мы, похоже, пришли, а именно: до тех пор, пока люди продолжают фанатично верить в важность политики, свободное мнение по поводу политических проблем будет невозможно, и существует большая опасность, что отсутствие свободы будет распространяться и на другие области, как это произошло в России. Только некоторая степень политического скептицизма может оградить нас от этой беды.

Вряд ли можно предположить, что чиновники, ответственные за образование, желают, чтобы молодежь стала образованной. Напротив, их задача, не развивая умственных способностей, просто сообщать информацию. Образование должно преследовать две цели: во-первых, давать определенные знания — чтение и письмо, языки и математика и так далее; во-вторых, выработать такие умственные привычки, которые позволят людям овладевать знаниями и формулировать обоснованные суждения. Первое мы можем назвать информацией, навыком, второе — интеллектом. Полезность информации допускается и практически, и теоретически; без грамотного населения современное государство невозможно. Но полезность интеллекта допускается только теоретически, а не практически; нежелательно, чтобы обычные люди размышляли, так как людей, которые размышляют, сложно контролировать и они соз-

дают административные сложности. Только стража, выражаясь языком Платона, может думать, остальные подчиняются или следуют за лидерами, как стадо овец. Эта доктрина, часто продолжающая существовать в подсознании, успешно переживает нововведения политической демократии и часто радикально искажает все национальные системы образования.

Страна, достигшая наибольших успехов в том, что касается преподавания информации, а не развития интеллекта, это последнее приобретение современной цивилизации — Япония. Начальное образование в Японии, можно сказать, превосходно с точки зрения обучения. Но помимо обучения оно имеет и другую цель: научить поклоняться религиозному культу Микадо, ставшему сегодня гораздо более влиятельным, чем в прежние времена, когда Япония еще не была модернизированной державой. Таким образом, школы одновременно дают знания и поощряют религиозные предрассудки. Поскольку мы не испытываем благоговения перед культом Микадо, мы ясно видим все абсурдное в японском образовании. Наши собственные национальные религиозные предрассудки так естественно и глубоко пустили в нас корни, что мы уже не обладаем в отношении них тем трезвым взглядом, как в отношении суеверий японцев. Но если бы путешествующий японец отстаивал тезис, что наши школы учат религиозным предрассудкам, столь же неблагоприятным для развития умственных способностей, как вера в божественность Микадо, я полагаю, что он бы был способен предоставить очень убедительные аргументы.

В настоящий момент я не в силах найти лекарство от болезни, но могу постараться поставить диагноз. Мы сталкиваемся с тем парадоксальным фактом, что образование стало одним из основных препятствий к развитию интеллекта и свободе мысли. Такое положение обусловлено, в первую очередь, тем, что государство присвоило себе мо-

нополию в этом вопросе, но это далеко не единственная причина.

(2) Пропаганда

Наша система образования выпускает из школ молодых людей, способных читать, но по большей части не способных самостоятельно оценивать происходящее или формировать независимое мнение. Затем на протяжении всей оставшейся жизни их «пачкают» утверждениями, имеющими своей целью убедить их поверить во всяческие абсурдные заявления о том, что пилюли Бланка лечат все болезни, что Шпицберген — теплый и плодородный остров и что немцы едят трупы. Искусство пропаганды, практикуемое современными политиками и правительствами, имеет своим источником искусство рекламы. Психологическая наука во многом обязана рекламодателям. В прежние дни большинство психологов думали, что человек не мог бы убедить многих людей в высоком качестве его собственных товаров, просто настойчиво утверждая, что они превосходны. Опыт, тем не менее, показывает, что они ошибались. Если бы я однажды встал бы в людном месте и стал бы утверждать, что я самый скромный из живущих на этом свете, надо мной бы посмеялись; но если бы у меня было достаточно денег, чтобы поместить такое же заявление на бортах автобусов и на рекламных щитах вдоль основных линий железных дорог, люди бы вскоре поверили, что я болезненно скромен. Если бы я пришел к хозяину небольшого магазина и сказал: «Посмотри на своего конкурента через дорогу, он собирается заполнить твой бизнес; не думаешь ли ты, что было бы неплохой идеей оставить свое дело и, встав посреди дороги, попытаться застрелить его, пока он не застрелил тебя?» — если бы я сказал такое, любой мелкий владелец магазина посчитал бы меня сумасшедшим. Но когда государство всюду трубит об этом, мелкие владельцы заражаются энтузиазмом и приходят в совер-

шенное удивление, когда об-наруживают впоследствии, что бизнес потерпел убытки. Пропаганда, осуществляемая средствами, успешно зарекомендовавшими себя в рекламе, стала одним из признанных методов правительств всех развитых стран, и особенно тем методом, с помощью которого создается общественное мнение.

Практикуемая сейчас пропаганда приносит два совершенно разных вида вреда. С одной стороны, тем, что в основном обращается скорее к иррациональным причинам убеждений, чем к серьезным аргументам; с другой стороны, тем, что дает несправедливое преимущество тому, кто может получить больше гласности либо из-за своего богатства, либо из-за власти. Со своей стороны, я склонен думать, что вокруг того факта, что пропаганда обращается больше к эмоциям, чем к разумным доводам, поднимается слишком большая суэта. Грань между эмоциями и разумом не столь четкая, как думают некоторые. Более того, умный человек сможет предоставить достаточно рациональный аргумент в пользу любой позиции, у которой есть хоть один шанс быть принятой. По любому реальному вопросу всегда существуют достаточные аргументы с обеих сторон. Определенные искажения фактов могут быть запрещены юридически, но это ни к чему не обязывает. Простые слова «персиковое мыло», которые ничего не означают, побуждают людей покупать этот товар. Если где-нибудь они будут заменены на слова «лейбористская партия», миллионы людей будут голосовать за лейбористскую партию, хотя реклама не говорит ни о каких ее достоинствах. Но даже если обе стороны в споре были бы ограничены соответствующим законом в отношении используемых ими высказываний, которые бы оценивались на соответствие и обоснованность комиссией выдающихся логиков, основное зло, приносимое современной пропагандой, осталось бы. Предположим, что по такому закону имеются две партии, с одинаково хорошими шансами, одна из которых имеет

возможность потратить миллион фунтов на пропаганду, тогда как другая только сто тысяч. Очевидно, что аргументы в пользу более богатой партии стали бы гораздо более широко известны, чем аргументы в пользу более бедной партии, и, следовательно, более богатая партия победила бы. Эта ситуация усугубляется, когда одна из партий правящая. В России правительство обладает почти полной монополией на пропаганду, но в этом даже нет необходимости. Преимущества, которыми оно обладает перед его оппонентами, будут по большей части достаточными для победы, если только не сложится исключительно неблагоприятная ситуация.

Возражения против пропаганды вызывают не только ее обращение к безрассудству, но в еще большей степени то преимущество, которое дается ею богатым и власть имущим. Равенство возможностей — необходимое условие, если речь идет о свободе мысли; а равенство возможностей может быть гарантировано только законами, разработанными для этой цели, хотя нет оснований ожидать увидеть их принятыми. Впрочем, панацею следует искать преимущественно не в таких законах, а в улучшении образования и в выработке скептического общественного мнения. В настоящий момент я, тем не менее, не буду заниматься обсуждением лекарств.

(3) Экономическое давление

Я уже упоминал о некоторых аспектах этого препятствия для свободы мысли, но теперь хотел бы обсудить это с более общих позиций, так как наблюдается тенденция к его усилению, если не будут сделаны определенные шаги по его нейтрализации. Самый яркий пример экономического давления, применяемого против свободы мысли, мы наблюдаем в Советской России, где до НЭПа правительство могло заставить и заставляло голодать людей, чье мнение его не устраивало, например Кропоткина. Но в этом от-

ношении Россия лишь в чем-то впереди других стран. Во Франции во время дела Дрейфуса любой учитель мог бы потерять свою должность, если он был за Дрейфуса в начале и против него в конце. Я сомневаюсь, что и в Америке в настоящее время университетский профессор, даже выдающийся ученый, сможет получить место, если он будет критиковать «Стандарт Ойл Компани», так как все президенты колледжей получают или надеются получить пожертвования от мистера Рокфеллера. Американские социалисты — во всех отношениях заметные люди, и им чрезвычайно трудно получить работу, если только они не обладают исключительными способностями. Стремление трестов и монополий, существующее везде, где индустриализм хорошо развит, контролировать всю промышленность, ведет к сокращению числа возможных работодателей, так что становится все легче и легче делать секретные черные списки средством, заставляющим голодать любого, не подчиняющегося большим корпорациям. Рост монополий в Америке приносит не меньше зла, чем государственный социализм в России. С точки зрения свободы, для человека нет разницы, государство или трест являются его единственным возможным работодателем.

В Америке, наиболее промышленно развитой стране, и в меньшей степени в других странах, которые примерно близки к американским условиям, среднему гражданину, если он желает зарабатывать себе на жизнь, следует избегать проявлений враждебности по отношению к определенным высокопоставленным людям. И эти высокопоставленные люди считают себя вправе требовать поддержки собственных взглядов на религию, мораль и политику от своих служащих, по крайней мере внешне. Человек, открыто отрицающий христианское учение, или стремящийся к либерализации законов о браке, или возражающий против власти больших корпораций, чувствует себя очень неуютно в Америке, если только ему не по-

счастливилось быть известным писателем. Такого рода ограничения на свободу мысли неизбежно появляются в каждой стране, где экономическая организация достигла уровня практической монополии. Поэтому обеспечение свободы в стремительно развивающемся мире стало сейчас гораздо более сложным делом, чем в XIX в., когда свободная конкуренция все еще была реальностью. Тот, кого волнует свобода разума, должен воспринимать эту ситуацию целиком и полностью, осознавая, что те методы, которые хорошо работали, когда капитализм был еще в младенчестве, теперь исчерпали себя.

Существуют два простых принципа, которые если они были бы приняты на вооружение, могли бы решить практически все социальные проблемы. Первый — это то, что образование должно научить людей принимать утверждения только в том случае, когда существуют некоторые основания думать, что они истинны. Второй принцип состоит в том, что работу следует давать, руководствуясь лишь тем, способен ли человек выполнять ее.

Рассмотрим сначала второй пункт. Привычка рассматривать религиозные, моральные и политические взгляды человека прежде, чем назначить его на определенный пост или предоставить ему работу — это современная форма преследования, и она, похоже, становится так же эффективна, как в свое время инквизиция. Старые свободы могут быть узаконены, но это мало что значит на практике. Если на практике определенная точка зрения заставляет человека голодать, то для него небольшим утешением будет знать, что его взгляды не наказуемы по закону. Существует некое общественное настроение против голодающих людей, не принадлежащих к англиканской церкви или придерживающихся довольно неортодоксальных взглядов на политику. Но едва ли кто-то настроен против неприятия атеистов или мормонов, крайних коммунистов или людей, выступающих в защиту свободной люб!